

УДК 930.85+159.9.07
ББК 63.3(2)6–7 + 88.52

Сухарев Александр Владимирович,
доктор психологических наук, профессор,
Институт психологии, Российская академия наук,
ул. Ярославская, д. 13, 129366 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: zavor753@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ А. С. ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: Целью настоящего исследования было установить роль личности Пушкина в формировании различных тенденций в современной ему русской культуре, актуальных для её последующего развития. В настоящей статье осуществлён психологический этнофункциональный анализ роли личности Пушкина в развитии русской культуры. Анализ выявил актуальные этноинтегрирующие и этнодифференцирующие направленности компонентов ментальности Пушкина, актуальные для современности. Особо выделено значение древнегреческого языка и культуры в ментальности Пушкина и ментальности современной России. Были выявлены как конструктивные, так и деструктивные для современного этапа культурно-исторического развития России пути решения социокультурных проблем. В качестве конструктивного направления решения проблем в творчестве и личности Пушкина этнофункциональный анализ выявил направленность на идеальный прообраз русской природы и её мифологического отображения в фольклоре, в качестве неадекватного задачам современного развития русской ментальности выявлена менее актуальная направленность ментальности на западноевропейские культурные образцы при вытеснении ими античной древнегреческой составляющей.

Ключевые слова: русская дохристианская культура, этнофункциональный подход, древнегреческий язык, русский язык науки.

В русской ментальности имя А. С. Пушкина является эпохальным символом, в нём отразились противоречия и тенденции развития ментальности не только России, но и всей Европы. Высшей точкой обобщённой оценки Пушкина для России, наверное, будут ставшие притчей во языцех слова Аполлона Григорьева: «Пушкин — это наше всё...». В. С. Непомнящий, посвятив жизнь исследованию творчества Пушкина, заключил: «Авторитет Пушкина в культуре сопоставим лишь с царским» [14, с. 361].

Роль А. С. Пушкина в развитии не только русской, но и западноевропейской культуры отмечалась многими авторами: Ф. М. Достоевским, Д. С. Мережковским,

Б. В. Томашевским и другими. В. В. Вейдле, подытожив свой анализ взаимоотношения России и Европы в творчестве А. С. Пушкина, писал: «А Россия, знает ли она еще, что Пушкин не только Пушкина ей дал, он и Данте, и Шекспира, и Гёте, — а потому и Гоголя, и Толстого, и Достоевского, что в его творчестве больше, чем во всех революциях и переворотах, совершилась судьба его страны...» [3, с. 270].

Понимание творчества и личности А. С. Пушкина как «наше всё», вследствие понятных причин, может мешать развитию наших представлений о его ментальности, что необходимо для постановки и решения будущих проблем русской культуры. Верно и то, что в пушкинистике сложилась «филологическая» традиция анализа социально-политических (и не только) воззрений Пушкина, что всё многообразие темы зачастую сводили к личностно-эмоциональному аспекту [17, с. 4, 134]. На наш взгляд, справедливо замечание Н. Я. Петракова, что «художественный гений Пушкина отодвинул в тень» его интереснейшие соображения о национальном самосознании, конвергенции культур и пр. Эти соображения рассматривались в качестве придатка его литературной деятельности, «хотя на самом деле все было если не наоборот, то, скорее всего, в органическом единстве. Иначе бы литературные шедевры Александра Пушкина не пережили бы века, а остались бы в истории литературы в одном ряду с произведениями Батюшкова, Баратынского, Вяземского, Загоскина и других литературных современников Пушкина...» [17, с. 134].

Целью настоящего исследования было установить роль личности Пушкина в формировании различных тенденций в современной ему русской культуре, актуальных для её последующего развития.

В настоящем исследовании мы опирались на базовые принципы психологического этнофункционального подхода, использовали ряд эмпирических результатов этнофункциональных исследований [23].

Особенности развития ментальности А. С. Пушкина с детских лет [1, 2, 15, 27]. Известно, что в семье Пушкиных родители, дети и родственники друг с другом говорили преимущественно по-французски. Исключение составляла Мария Алексеевна Ганнибал (бабка поэта по матери), которая была его наставницей по русскому языку. К шести годам Пушкин прекрасно говорил по-французски, чуть позже уже знал и итальянский. Самостоятельная страсть к чтению книг, преимущественно на французском языке, находившихся в кабинете отца, развилась у него не позже 7 лет. Недаром уже в лицейские годы одной из его кличек была «Француз». Маленький Александр рано ознакомился с произведениями французских писателей, драматургов — Расина, Мольера и др., а также с античными авторами — Плутоном, Гомером.

Не позднее пяти лет Александр общался на русском языке со своей бабушкой Марией Алексеевной и со своей любимой няней Ариной Родионовной Матвеевой, которая воспитывала ребёнка на народных сказках, песнях, рассказах о крестьянском быте, природе, волшебстве и т.п. При всём том юный Пушкин большую часть своей жизни (летом обязательно и, видимо, часть весны и осени) проводил в окружении русской природы и деревенских ландшафтов.

Исходя из результатов наших теоретических и эмпирических этнофункциональных исследований [23], вследствие особенностей воспитания и психолого-

педагогической среды в возрасте до 5 лет (он помнил себя с 4 лет), характер будущего поэта мог быть таков. Во-первых, он должен был обладать достаточно высокой энергией личности (образы природы до 5 лет). Как мы полагаем, благодаря наличию у маленького Александра представлений о родной природе и отчасти духах природных стихий и явлений (дохристианской культуре) до 5 лет, у него сформировалась любовь к русской природе как основе любви к родине в более зрелом возрасте. Весь детский период своей жизни до поступления в Лицей он «имел возможность питаться впечатлениями родной природы, слышать говор простого народа» [2]. Во-вторых, у него должны были начать формироваться осознанные попытки контроля своей эмоционально-чувственной сферы, что, однако, не достигло степени гармоничного взаимодействия когнитивной и чувственной сфер («встреча аффекта и интеллекта», по Л. С. Выготскому), так как религиозное воспитание у поэта как специальный род учения в оптимальном возрастном периоде с 6 до 8 лет практически отсутствовало.

Отсутствие у Пушкина как минимум целенаправленного православного воспитания в 6–8 лет, а скорее всего, достаточно вольное отношение к церкви в семье и ценностная ориентация на светскую этику во французском духе (существенно ранее оптимального возрастного периода для начала стадии просвещения, для данной стадии — 7–9 лет), при наличии упомянутого выше недостаточного эмоционального контроля и гармоничного взаимодействия эмоциональной и чувственной сферы, по-видимому, обусловило такие проявления его темперамента и характера, как вспыльчивость, любовные похождения, специфика отношений с женой и, конечно, дуэли — известно о 150 вызовах на дуэль, сделанных поэтом (правда, часть из них была символической — стрелялись клюквой, вишней и пр.). Согласно результатам наших исследований слишком раннее начало стадии просвещения способствует закреплению у личности ведущего тревожного эмоционального состояния, которое в данном случае обеспечивало у поэта неиссякаемый интерес к французской культуре и языку (т. е. предметную тревогу).

В. В. Вейдле писал: «Это едва ли не единственный случай в истории литературы, чтобы <...> величайший поэт своей страны признавался, что ему легче писать на иностранном языке, чем на своем... Когда ему надо было рассуждать, он делал это большей частью по-французски, и русское выражение редко приходило ему на ум первым, как это показывают черновики его критических писаний. На французской литературе он был воспитан больше, чем на русской, и не отрекся никогда от кумиров своей юности, — Парни, Вольтере, не говоря уже о Шенье, которого полюбил гораздо позже» [3, с. 262]. Даже славянскую поэзию «Пушкин считал возможным брать во французской интерпретации» [26, с. 63].

И. С. Аксаков в выступлении на московских пушкинских торжествах 8 июня 1880 г. говорил о Пушкине как «русском человеке», художнике «с таким русским складом ума и души, с таким притом глубоким сочувствием к народной поэзии — в песне, в сказке и в жизни... Внешнюю разгадку этого явления следует искать, прежде всего, в деревенских впечатлениях детства и в его отношениях к няне. Но и няня и детские впечатления деревни таились тогда в воспоминаниях почти каждого

отъявленного отрицателя русской народности, так что такая русская бытовая черта в поэзии Пушкина является уже сама по себе *нравственной* (курсив наш. — А. С.) его заслугой и оригинальной особенностью... Точно припав к груди матери-земли, жадно в ее (няни. — А. С.) рассказах пил он чистую струю народной речи и духа!» [28, с. 16–17]. Отношение самого Пушкина к ментальности современной ему деревни и к светской образованности можно охарактеризовать его же словами из письма к брату в ноябре 1824 г.: «Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» [19, с. 108]. И далее в письме к Д. М. Шварцу в декабре того же года: «...вечером слушаю сказки своей няни, оригинала няни Татьяны; <...> она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно» [19, с. 115–116].

Мы полагаем, что направленность ментальности А. С. Пушкина могла быть заложена в основу проектируемой, будущей русской ментальности именно вследствие высокой степени выраженности этнической функции, с одной стороны, этноинтегрирующих представлений о русской природе и языческой мифологии, а с другой — этнодифференцирующих представлений западноевропейской ментальности образованных слоёв русского общества. Данный этнофункциональный конфликт был преодолен им *на творческом этноинтегрирующем уровне*; но доныне открытым остался вопрос о перенесении результатов развития «пушкинского микрокосма» на макрокосм ментальности образованного русского общества.

Всеохватность и даже «всемирность» [7, с. 104] А. С. Пушкина, о которой говорил Ф. М. Достоевский, расширяла его объединительную работу за рамки ментальности России — он не только существенно продвинул дело объединения ментальности простонародной с ментальностью властных слоёв, но и расширил ментальность русского общества в глубь веков. Он в существенной мере более органично и тонко, чем реформы Петра I, связал ментальность русскую и западноевропейскую. Ф. М. Достоевский отмечает, что начиная с Пушкина «определилась <...> наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и веры в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов» [7, с. 103]. В наших исследованиях ранее было показано, что вера в самостоятельное назначение и возможность нахождения источников развития в самой России в явном виде исподволь начала исчезать в ментальности властных слоёв общества уже с XVII в. (а причины данного исчезновения восходят, на наш взгляд, к XIII в.) [23, 24].

Этнофункциональная характеристика ментальности высших слоёв русского общества в пушкинскую эпоху. Ментальность образованных слоёв общества в России пушкинского времени была такова, что «сам император только в канун вторжения Наполеона в Россию впервые прочитал Новый Завет и более всего его взволновал Апокалипсис. Основным же и любимым чтением Александра I, как и подавляющей части образованного общества, была западная литература» [7, с. 24–25]. Церковное воспитание, в отличие от иноземных влияний, со времён Петра I пошло на убыль и отношение к нему изменилось лишь в период царствования Николая I [9].

В целом, второе десятилетие XIX в. в России «проходит под знаком Библейского общества» [30, с. 147], тесно связанного с масонскими ложами. Создаются тайные общества, растёт увлечение мистицизмом. В то же время набирает силу и «антимасонская» идеология, в главу которой выдвигается А. С. Шишков, а затем архимандрит Фотий (Спасский). Борьба этих тенденций находила своё отражение в церковных кругах и самом Синоде. Большое распространение получает католицизм, особенную активность проявляют иезуиты» [8, с. 25]. Ю. Ф. Самарин отмечал, что в александровское время имело место «духовное бессилие» высших слоёв петербургского общества, а также «при сильно развитом государственном патриотизме терялся народный смысл; историческая память была как бы отшиблена; непосредственное ощущение всего прожитого прошедшего в каждой минуте настоящего было утрачено; народный язык сделался как бы чужим, своя вера упала на степень всякой иной веры» [21, с. 226–228]. «Такого рода “терпимость” бессознательно умерщвляла духовную жизнь... В эту-то дряблую и рыхлую среду, бессильную духом, оторванную от народной и церковной жизни, питавшей её вещественно и духовно, врезались иезуиты...»; и «...дворянские души и <...> капиталы сами собою устремились в её раскрытые сети» [21, с. 228].

К моменту рождения Пушкина, как писал архиепископ Никанор (Боровский) о второй половине XVIII в., «христианский мир представлял страшную, можно сказать, небывалую свалку всяких антихристианских учений...». А эпоха ранних либеральных преобразований Александра I не способствовала духовному оздоровлению общества [8, с. 24].

Религиозность А. С. Пушкина. Следует отметить этнофункционально нейтральное или даже этнодифференцирующее отношение Пушкина к православной церкви как общественному институту, при том, что его религиозность в целом вполне отвечала духу христианства, но «внеконфессионально» в общепринятом смысле. Например, С. Л. Франк приводит следующие слова Пушкина, обращённые к П. Я. Чаадаеву в защиту протестантизма против «католических склонностей» последнего: «Греческая церковь — другое дело (в отличие от протестантизма. — А. С.): она отделилась от общего христианского духа», или: «...русское духовенство до Феофана (Феофана Грека. — А. С.) было достойно уважения...» [31, с. 462]. «Греческая церковь» это и есть православие, т. е. здесь Пушкин относится к нему как конфессии критически, хотя христианская религиозность Пушкина не вызывает сомнений.

Вместе с тем С. Л. Франк подводит итог своей статьи о религиозности Пушкина: «Проследивая точнее этот духовный путь поэта, можно было бы усмотреть, как Пушкин, исходя из <...> своей *самобытной религиозности*, достигает основных мотивов христианской веры — смирения и любви» [32, с. 238].

Языческий, мятежный, чувственный и героический Пушкин (как его определяет К. Н. Леонтьев) вместе с тем «обнаруживается как один из глубочайших гениев русского *христианского духа* (курсив наш. — А. С.)» [32, с. 238].

Этнофункциональный анализ языка А. С. Пушкина. Оценивая вклад А. С. Пушкина в создание языка, В. В. Виноградов писал: «...выступив на литера-

турное поприще как “француз”, как европеец, Пушкин скоро понял идеологическую узость и художественный “провинциализм” стилей русских европейцев... Пушкин убедился в необходимости национально-исторического оправдания европейских, по преимуществу французских, элементов в составе русского литературного языка». С другой стороны, «в национально-бытовом дворянском просторечии, не зараженном “французской болезнью”, и в простонародном языке, к которому примыкали и “мутные, но кипящие источники” народной поэзии и памятники древнерусской письменности, Пушкин увидел структурную основу русского национально-литературного языка. Синтез этих трех основных языковых категорий — церковнославянской, европейской и национально-русской — по мысли Пушкина должен был опираться на представление о языке “хорошего общества” <...> как об идеальной норме литературного выражения» [4, с. 454].

Б. М. Гаспаров отмечал, что «в глазах Пушкина и архаистическое (А. С. Шишков и др. — А. С.) и сентиментально-элегическое (Н. М. Карамзин. — А. С.) направления страдают общим недостатком — отсутствием равновесия, *субъективно-аффектированными преувеличениями* (курсив наш. — А. С.): в одном случае «жеманной чувствительностью», в другом — претенциозного и тяжело-весного «восторга» [5, с. 69].

С позиций этнофункционального анализа в языке А. С. Пушкина в связи со сказанным выше можно выделить следующие компоненты, характеризующие последовательным снижением выраженности этноинтегрирующей функции (в русской этносреде): стихия древнерусского языка > стихия церковно-славянского языка + стихия древнегреческого языка > современное Пушкину просторечье (известно, что он прислушивался в церквях к языку московских просвириц) > галлицизмы, англицизмы и латинизмы.

Уровень разрешения отображённого в языке Пушкина важнейшего этнофункционального конфликта, обусловленного, с одной стороны, этнодифференцирующими западноевропейскими влияниями, а с другой — собственно русским языком, можно определить как нравственный этноинтегрирующий.

Говоря об эстетической стороне русского языка, А. С. Пушкин, в частности, пишет: «...есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.» [20, с. 116]. Далее он говорит о русском языке в целом и *языке науки*, в частности (1824 г.): «...у нас нет еще ни словесности, ни книг, все наши знания, все понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; <...> ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялась — *метафизического языка у нас вовсе не существует*» [20, с. 118].

О перспективах же создания языка науки, философии А. С. Пушкин в письме к П. А. Вяземскому (1825 г.) пишет: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. *Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского* (курсив наш. — А. С.), ясного, точного языка прозы, т. е. языка мыслей» [19, с. 153]. Вместе с тем Пушкин в письме к Бестужеву 30 ноября 1825 г. писал, что «изучение новейших языков должно в наше время

затмить латинский и греческий — таков дух века и его требования» (курсив наш. — А. С.)» [19, с. 191].

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что перспективу развития русского научного языка Пушкин видел в уподоблении европейским языкам и, возможно, поиска чего-то нового, но без обязательной опоры на язык древнегреческий. Однако развитие языка науки в Западной Европе шло по пути расшифровки и развития древнегреческих представлений и понятий — сначала через латинский язык, а позже непосредственно в обращении к древнегреческим текстам и культуре в целом. Другого главного источника для развития научного мышления, кроме греческой античности, как для Европы, так и, похоже, для всего человечества, пока не существует. Во всяком случае, для России это так. А. С. Пушкин не то чтобы отверг, но не заметил важности для русской ментальности древнегреческого языка (и, соответственно, античной философии), игнорируя факт более раннего проникновения в русскую ментальность древнегреческого языка, чем западноевропейских языков. Тем самым генеральная линия развития языка науки в России направлялась в ментальности Пушкина окольным путём — через западноевропейские языки и культуру к античности, тогда как греческая античность пришла в Северную Европу через Рим (имеется в виду, что лицеисты знакомились с античностью через западноевропейское посредство, а Западная Европа — через латинские переводы). Хотя переводы с древнегреческого имелись на Руси и до Крещения, но изначально Византия не была заинтересована в просвещении Руси в целом и ограничивалась обучением в оригинале лишь христианским сочинениям даже для княжеско-дружинного и духовного сословий, а инициативу просвещения Руси проявлял, в частности, сам великий князь Владимир [10, с. 255]. Причин недостаточного проникновения античной образованности во властные сословия Древней Руси мы, отчасти, коснулись в нашей предыдущей статье [25].

В целом, Пушкин осуществил этноинтеграцию русского языка, преодолев в данном отношении раскол ментальности, прежде всего, на личностном уровне, и задал тем самым созидательную направленность в развитии русского общества.

Пушкин и Пётр I. Д. С. Мережковский отмечал: «Странно, что даже те, кто глубже проникает в дух пушкинской поэзии, ослепленные односторонним христианством не видят или не хотят видеть <...> связь Пушкина с Петром. А между тем, без Петра не могло бы быть русского созерцания в Пушкине, без Пушкина Пётр не мог бы быть понят, как высшее героическое явление русского духа <...> в Петре он нашел наиболее полное историческое воплощение того героизма, дохристианского могущества русских богатырей, которое поэт носил в своем сердце, выражал в своих песнях» [12, с. 140]. «Я утверждаю, — говорит Пушкин у Смирновой, — что Петр был архирусским человеком, несмотря на то, что сбрил свою бороду и носил голландское платье. Хомяков заблуждается, говоря, что Петр думал как немец. Я спросил его на днях из чего он заключает, что византийские идеи Московского царства более народны, чем идеи Петра» [12, с. 140].

Пушкин пишет в заметке о просвещении России: «Петр был *нетерпелив*, став главой новых идей, он, может быть, дал слишком крутой оборот огромным колесам

государства. В общее презрение ко всему народному включена и народная поэзия, столь живо проявившаяся в грустных народных песнях, в сказках и летописях... Я роюсь в архивах, там ужасные вещи, действительно *много было пролито крови, но уж рок велит варварам проливать ее*, и история всего человечества залита кровью начиная от Каина до наших дней. Это, может быть, неутешительно, но *не для меня, так как я имею в виду будущее* (курсив наш. — А. С.)... Петр был революционер-гигант, но это гений, каких нет» [12, с. 140]. Мережковский отмечал: «Вся русская литература после Пушкина будет демократическим и галилейским восстанием на того гиганта, который “над бездною Россию вздернул на дыбы”» [12, с. 140].

Нетерпеливость, импульсивность Петра, отмеченная поэтом, на наш взгляд, является характерной для представителей власти в России и обусловлена вытеснением этноинтегрирующей языческой составляющей русской культуры из процесса воспитания высших слоёв русского общества и тем самым искажением у них этнофункционального развития личности и, как следствие, недостаточно сформированной способности к тонкой дифференциации эмоций и чувств, недостаточно гармоничному взаимодействию «аффекта и интеллекта». Вытеснение языческой составляющей из ментальности высших слоёв общества и наличие тотальных среди властных слоёв этнодифференцирующих западноевропейских влияний обусловило, в частности, формальное отношение Петра I к православию и дохристианской русской культуре и, как следствие, несформированность у него гармоничного взаимодействия процессов мышления и эмоционально-чувственных, проявившихся в его «нетерпимости» и «взрывном» характере. Эта особенность была характерна для властных слоёв русского общества, начиная от царя Алексея Михайловича до настоящего времени, и объясняется исторической спецификой этнофункциональных параметров развития их ментальности, заложенных ещё в XIII в. и медленно, но верно обусловивших определённую деформацию ментальности власти к XVII в. [23, 24]. Данные этнофункциональные параметры, на наш взгляд, неизменно обуславливают «мобилизационный» тип развития русской ментальности и цивилизации в целом начиная с XVII в.

Пушкин и западноевропейская ментальность. Обращение Пушкина к допетровским и даже древнерусским корням России, его народность были созвучны и его пристрастию к определённому направлению французской литературы XVIII–XIX вв. Французский классицизм XVII в. вовсе не знал проблемы национального искусства; идеалом классиков было *античное* понимание универсальности прекрасного, не зависящего от условий времени и места. При этом, имея ярко выраженную национальную форму, французская литература XVII в. в лице её создателей недостаточно отчётливо осознавала данный факт [26, с. 12]. Но уже в XVIII в. в пределах классического искусства начинают осуществляться попытки создания национальной эпопеи.

Современным А. С. Пушкину западноевропейским направлением, художественные принципы которого он вполне одобрял (по сравнению даже с французским), была английская «озерная школа» — поэт подражал У. Вордсворту, переводил Р. Саути и др., но особо он любил в свои зрелые годы С. Т. Кольриджа [3, с. 263].

Дело в том, что влияние классической древнегреческой мифологии, ощущаемое во всех западноевропейских странах не позднее эпохи итальянского Ренессанса, было вполне заметно и в Северной Европе, в частности на Британских островах, и получило в исследованиях название «ренессансов» [16]. Начиная с эпохи Возрождения древнегреческие предания о богах и героях служили источником вдохновения для большинства британских поэтов. Однако, будучи на английской почве явлением экзотическим, древнегреческие мифы «под неискусным пером второстепенных английских поэтов XVIII века деградировали, <...> когда чуть ли не каждая чахлая рощица стала “широкошумной дубравой” (аллюзия священных рощ в Древней Греции. — А. С.), а встречаемая деревенская девушка — “нимфой” и т.п. <...> Писатели-романтики, отвернувшись от легенд, родиной которых была Южная Европа, <...> обратили свой взгляд на север». Даже возобладало мнение, что «исток архайческой поэзии были скандинавская, древнегерманская и кельтская мифология» [11, с. 11]. Одним из первых, кто вступил в борьбу с очарованием античной культуры, был представитель «озёрной школы» в английской поэзии Уильям Вордсворт. В одном из своих сонетов, например, он сетовал, что, тогда как «в бессмертных книгах» постоянно упоминаются Пелион и Осса, Олимп и Парнас, ни одна английская гора, «хотя они толпами стояли вдоль кромки моря», не удостоилась «почестей муз небесных», — но одно только упоминание о мифологии древних бриттов вызывало негодование у современных Вордсворту поклонников античности [11, с. 14]. В целом, озёрная школа, сначала принявшая, а затем отшатнувшаяся от идеалов Великой французской революции, воспевала родную природу и, обращаясь к древнеанглийской мифологии и культуре, этноинтегрировала ментальность британцев и возвестила новую эпоху в развитии английской литературы.

Нетрудно увидеть, что при симпатии Пушкина к описанным выше направлениям французской и английской литературы он впитал в себя её гражданско-патриотический (Вольтер) и свободолобиво-революционный (Шенье) пафос и интерес к природе и мифологии (озёрная школа), что было созвучно его глубокой любви к русской природе, крестьянской культуре, мифологии, сказкам. А. С. Пушкин отмечал: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» [20, с. 119]. Причём, опять-таки ориентируясь на западноевропейский эталон, он писал, что «у нас это время, слава Богу, еще не пришло, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами» [20, с. 119].

Общей тенденцией в западноевропейской и пушкинской ментальности была их этноинтегрирующая направленность на идеальный прообраз их естественного развития (*архегению*) [23, с. 83–93].

Пушкин и Возрождение. Термин «Возрождение» (Ренессанс) изначально (например, в XVI в. у Джордже Вазари) был связан с представлением о возрождении античности в средневековой Италии. В данное понятие мы вкладываем смысл возрождения языческих ценностей и представлений, которое происходило у раз-

личных народов, интеграцию изначально этнодифференцированных (например, древнегреческая и итальянская ментальность «догреческого» периода; современная чукотская ментальность и др.) в относительно этноинтегрированную систему.

Наиболее обобщённый, хотя и краткий культурологический анализ истоков ментальности А. С. Пушкина в связи с феноменом Возрождения осуществил Д. С. Мережковский. Автор выделял в творчестве поэта два начала — языческое и религиозное начало «жалости и целомудрия». Вдобавок, не сомневаясь в христианстве Пушкина, по сравнению с христианством Гёте, у которого весь мир средневековой теологии и схоластики выступает в последней главе «Фауста», Мережковский видит у русского поэта «христианство <...>, чуждое всякой теологии, всяких внешних форм; оно естественно и бессознательно. Пушкин находит галилейскую, всепоглощающую мудрость в душе дикарей, не знающих имени Христа... Для того чтобы найти столь чистую форму галилейской поэзии, надо вернуться к серафическим гимнам Франциска или божественным легендам первых веков» [12, с. 125–126]. Здесь нет православия, католицизма и тем более протестантизма, здесь сквозит первозданный христианский дух Пушкина, объединяющий и Западную Европу, и Россию. Уместно привести мысль о. Павла Флоренского о том, что «каждая страна, область, народ, принимая Евангелие, по-своему принимает его <...> Западный мир, приняв Евангелие, по-своему принял его, а Восток — по-своему. <...> святые, являющиеся донныне в церквях и католической и православной, <...> по своей духовной жизни однородны» [29, с. 639].

«По-видимому, — пишет Мережковский, — явления столь гармонические, как Пушкин и Гете, предрекали искусству XIX века новое Возрождение, новую попытку примирения двух миров (языческого и христианского. — А. С.), которое уже было начато итальянским Возрождением XV века» [12, с. 125–126]. Он отмечает также, что ни Гоголь, ни Достоевский, ни Толстой не пошли по пушкинскому пути.

Как установлено в предшествующем анализе, в языке и сознательных представлениях А. С. Пушкина имеют место эмоционально положительно окрашенные этноинтегрирующие 1) образы русской природы и русской языковой стихии; 2) представления о духах природы (русалки, лешие и пр.); 3) христианские представления, церковнославянский язык, древнегреческие образы и лексика из античной мифологии и Нового Завета, заимствованная из греческого языка византийской эпохи лексика богослужения; помимо этноинтегрирующих чувств по отношению к общехристианским представлениям, у зрелого Пушкина вкрапливаются этнофункционально нейтральные или этнодифференцирующие оценки различных христианских конфессий, представителей клира и пр.; 4) идеи Просвещения (наука) присутствуют в ментальности Пушкина при осознанном, эмоционально положительном отношении к ним.

Результаты имеющихся этнофункциональных исследований позволяют заключить, что наиболее мощным этноинтегрирующим фактором в ментальности Пушкина были глубоко прочувствованные образы природных стихий, явлений до степени противопоставления необузданной стихии и культуры, что отмечал в

своём исследовании Д. С. Мережковский, но вполне не заметили ни Н. В. Гоголь, ни Ф. М. Достоевский: «Пушкин первый из мировых поэтов с такою силою и страстностью выразил вечную противоположность культурного и первобытного человека» [12, с. 49].

Заключение. Подводя итог анализу вклада А. С. Пушкина в развитие русской ментальности, отметим, что «царский авторитет» в нашей культуре поэт обрёл, *во-первых*, именно в направленности на преодоление основного этнофункционального конфликта — между этноинтегрирующей народной, языческой стихией и этнодифференцирующей западноевропейско-ориентированной ментальностью, присущей образованным слоям русского общества.

Во-вторых, историческая значимость личности Пушкина была обусловлена также его направленностью на идеи Просвещения, которая вполне сочеталась у него и с идеализацией родной старины, столь типичной именно для немецкого романтизма, которая легла в основу «антизападнического» патриотизма русских славянофилов. Впервые представители данного направления проявили себя в Германии, например, Ф. Шлегель, Ф. Шлейермахер в философии, Новалис, Гельдерлин, братья Вильгельм и Якоб Гримм в литературе и других областях. Просветительской идее прогресса романтизм противопоставлял интерес к фольклору, мифу, сказке, к простому человеку, возвращение к корням и к природе, идеализацию исторического прошлого своей родины в целом. Именно направленность личности А. С. Пушкина на «эстетическую» этноинтеграцию древнерусской и даже дохристианской ментальности по аналогии с западноевропейской направленностью на дохристианскую ментальность (озёрная школа), ввиду его «царского авторитета в культуре», не могло не отразиться в дальнейшем развитии русского общества.

Вместе с тем тот тип культурного взаимодействия России и Западной Европы, который имел место в XIX в. и лично у Пушкина в наше время представляется не вполне приемлемым именно в отношении античной, прежде всего древнегреческой культуры. Современный «поворот» российской ментальности в сторону Запада всё более усугубляет отрыв русской культуры не только от дохристианской «русской стихии», но от собственной античной (христианской и дохристианской) основы, ориентируя развитие на эклектическую «евроамериканскую» ментальность, в нарастающей степени впитывающей этнодифференцирующее содержание со всего мира и в особенности с азиатского востока. Именно ориентация на современную западную ментальность и языки отрывает нас от самих истоков европейской культуры. Действительный член РАН М. Л. Гаспаров приводит слова поборника классического образования, русского филолога европейского масштаба Ф. Ф. Зелинского из его курса лекций по обоснованию необходимости «классического», гуманитарного образования в 1903 г.: «К античности восходят не только те или иные отдельные наши культурные ценности, но и самое главное в европейской цивилизации — ее привычка мыслить, ее умственный строй, именно это позволяет русскому, немцу и испанцу лучше понимать друг друга, чем араба или китайца. А изучение античных языков, будучи правильно поставлено, не сводится к воспитанию ума, а тесно сплетается с воспитанием психологическим и воспитанием нрав-

ственным, в конечном же счете служит социологическому отбору, которым совершенствуется человеческий род» [6, с. 13].

По словам М. М. Пришвина, «Пушкин указывает нам высший предел разлива нашей души. Придет новый Пушкин и установит нам новую даль» [18, с. 282]. Метафора Пришвина верна, в настоящее время нам нужен не кумир, а «новые дали». Однако «новая даль» — это не обязательно отдельная личность. В наше время в первую очередь нужна мысль, выражаясь языком Пушкина, «метафизика» — философия и наука, язык которой, по его определению, в его время у нас ещё не созрёл, а сейчас сомнительно «обогащается» необоснованными западноевропейскими заимствованиями. Голос науки, подкреплённый чувством её величия, может быть услышан лишь в обществе достаточно гармонизированном, вставшем на путь преодоления «субъективно-аффектированного» (Б. М. Гаспаров) отношения к миру, т. е. того, что в психиатрии называют «кататимным мышлением» — когнитивным процессом, ход которого преимущественно определяет не разум, а эмоции и чувства. Его гений из данных условий определил, как отмечали многие исследователи, гармоничное (оптимальное) развитие его личности. Вследствие этого его ментальность можно существенно охарактеризовать как «встречу аффекта и интеллекта» (Л. С. Выготский), чуждую «субъективно-аффектированного» отношения к миру, чуждую кататимности.

Гармонизация когнитивных и эмоционально-чувственных процессов в русской ментальности может быть достигнута при всей полноте её направленности на архегению родной этносреды — образы родной природы, их одухотворённые прообразы («язычество») и христианские представления, объединённые научной методологией и философией, базирующейся на греческой античности [23]. С позиций этнофункционального подхода для своей эпохи личность Пушкина имела не только нравственную направленность на архегению русской этносреды, но и на исторический аспект западноевропейской культуры. В его личности осуществилась «встреча аффекта и интеллекта», чуждая кататимности, что, возможно, и дало основание для вошедшего в историю определения Николаем I Пушкина как умнейшего человека России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина: в 2 кн. Факсим. изд. «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» П. В. Анненкова (СПб., 1855). М.: Книга, 1985. 489 с.
- 2 Бартенев П. И. О Пушкине. М.: Сов. Россия, 1992. 460 с.
- 3 Венюк Пушкину / сост. А. Н. Кузнецов. М.: Книга, 1987. 400 с.
- 4 Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.; Л.: ACADEMIA, 1935. 489 с.
- 5 Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. 397 с.
- 6 Гаспаров М. Л. Сборник классического образования // Русская словесность. 1993. № 1. С. 11–15.
- 7 Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов. История и будущее России. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 448 с.

- 8 Кантерев П. Ф. История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004. 559 с.
- 9 Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1992. Т. 1. 686 с.
- 10 Кельтская мифология: Энциклопедия / пер. с англ. С. Головой и А. Голова. М.: ЭКСМО, 2002. 240 с.
- 11 Непомнящий В. С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг.: в 2 т. М.: Жизнь и мысль, 2001. Т. 1: Русская картина мира. 496 с.
- 12 Основат А. Л., Охотин Н. Г. Комментарий к материалам для биографии А. С. Пушкина. М.: Книга, 1985. 272 с.
- 13 Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб.: Азбука-классика, 2006. 640 с.
- 14 Петраков Н. Я. Александр Пушкин: загадка ухода. М.: ЗАО «Изд-во “Экономика”», 2005. 239 с.
- 15 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 10. 902 с.
- 16 Пушкин в эмиграции, 1937: О Пушкинском празднике в Русском Зарубежье: сб. ст. / сост., подгот. текста, коммент. В. Г. Перельмутер; вступ. ст. В. Г. Перельмутер. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 792 с.
- 17 Пушкин: суждения и споры / сост. К. Ковальджи. М.: Московский рабочий, 1997. 378 с.
- 18 Русские писатели о языке. Хрестоматия. Изд-е второе / под общ. ред. А. М. Докучаева. Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1955. 460 с.
- 19 Самарин Ю. Ф. Соч.: в 12 т. М., 1877–1911. Т. 6. 563 с.
- 20 Светлое имя Пушкин: Проза, стихи, пьесы о поэте / сост. В. В. Кунин. М.: Правда, 1988. 608 с.
- 21 Сухарев А. В. Структура ментальности русского и западноевропейского общества в X–XVII вв.: этнофункциональный анализ // Психологический журнал. 2014. № 2, Т. 35. С. 124–134.
- 22 Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2008. 576 с.
- 23 Сухарев А. В. Этнофункциональный анализ развития ментальности высших слоев русского общества с конца X по XVII вв. // Проблемы исторического познания / отв. ред. проф. К. В. Хвостовой. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 154–192.
- 24 Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л.: Сов. писатель, 1960. 501 с.
- 25 Тынянов Ю. Н. Пушкин. Л.: Худож. лит., 1976. 424 с.
- 26 Филин М. Д. Арина Родионовна. М.: Молодая гвардия, 2008. 218 с., ил.
- 27 Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. 798 с.
- 28 Флоровский Г. В. Пути русского богословия. 3-е изд. Париж: YMCA-Press, 1983. 574 с.
- 29 Франк С. Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. / сост. Р. А. Гальцев. М.: Книга, 1990. С. 452–465.

Sukharev, Alexander Vladimirovich,

DSc of Psychology, Professor,

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
Jaroslavskaja str., 13, 129366 z. Moscow, Russian Federation*

E-mail: zavor753@mail.ru

PERSONALITY OF A. S. PUSHKIN IN THE CONTEXT OF WESTERN EUROPEAN AND RUSSIAN CULTURE

Abstract: The purpose of this article is to estimate the role of personality of Pushkin in the formation of different trends in Russian culture of XIX century, which are urgent for contemporary historical moment. In this article the ethnofunctional analysis of the person of A.S. Pushkin in the development of Russian culture was performed. The analysis has revealed ethnointegrative and ethnodifferentiative trends in the mentality of Pushkin which are important for the contemporary historical moment. The special role is played by antient Greek language and culture in Pushkin's mentality and the mentality of modern Russia. The constructive and destructive ways of solving these sociocultural problems at the modern stage of historical development of Russia were also revealed. The ethnofunctional analysis considers the focus on ideal pro-image of Russian nature and its mythological representation to be the constructive way of solving these sociocultural problems. The ethnofunctional analysis regards the focus on modern West European cultural images and the suppression of antient Greek language and culture components to be a non-adequate way of solving these sociocultural problems.

Keywords: mentality of A. S. Pushkin, Russian pagan mentality, ethnofunctional approach, ancient Greek language, Russian language of science.

REFERENCES

- 1 Annenkov P. V. *Materialy dlja biografii A. S. Pushkina: v 2 kn.* [Materials for a biography of Alexander Pushkin: 2 volumes]. Faksim. izd. «Materialy dlja biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina» P. V. Annenkova (St. Petersburg, 1855). Moscow, Kniga Publ., 1985. 489 p.
- 2 Bartenev P. I. *O Pushkine* [About Pushkin]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1992. 460 p.
- 3 *Venok Pushkinu* [Pushkin Wreath], compiler A. N. Kuznetsov. Moscow, Kniga Publ., 1987. 400 p.
- 4 Vinogradov V. V. *Iazyk Pushkina* [The language of Pushkin]. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1935. 489 p.
- 5 Gasparov B. M. *Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo iazyka* [Poetic language of Pushkin as the fact of Russian literary language history]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 397 p.
- 6 Gasparov M. L. Pobornik klassicheskogo obrazovaniia [The Advocate of classical education]. *Russkaia slovesnost'* [Russian literature], 1993, no. 1, pp. 11–15.

- 7 Kaplin A. D. *Mirovozzrenie slavianofilov. Istoriia i budushchee Rossii* [World Outlook of Slavophiles. The History and the Future of Russia]. Moscow, In-t russkoi tsivilizatsii Publ., 2008. 448 p.
- 8 Kapterev P. F. *Istoriia russkoi pedagogic* [The History of Russian pedagogy]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2004. 559 p.
- 9 Kartashov A. V. *Ocherki po istorii russkoi tserkvi: v 2 t.* [Essays on the History of the Russian Church: in 2 vol.]. Moscow, TERRA Publ., 1992. Vol. 1. 686 p.
- 10 *Kel'tskaia mifologiya: Entsiklopediia* [Celtic mythology: Encyclopedia], per. s angl. S. Golovoi i A. Golova. Moscow, EKSMO Publ., 2002. 240 p.
- 11 *Nepomniashchii V. S. Pushkin. Izbrannye raboty 1960-kh – 1990-kh gg.: v 2 t.* [Pushkin. Selected Works 1960–1990: 2 vol.]. Moscow, Zhizn' i mysl' Publ., 2001. Vol. 1 Russkaia kartina mira [Russian pictures of the world]. 496 p.
- 12 Ospovat A. L., Okhotin N. G. *Kommentarii k materialam dlia biografii A. S. Pushkina* [Comments on the materials for a biography of Alexander Pushkin]. Moscow, Kniga Publ., 1985. 272 p.
- 13 *Panofskii E. Renessans i «renessansy» v iskusstve Zapada* [Renaissance and «Renaissances» in the art of the West]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2006. 640 p.
- 14 Petrakov N. Ia. *Aleksandr Pushkin: zagadka ukhoda* [Alexander Pushkin: the secret of his exit]. Moscow, ZAO «Izd-vo «Ekonomika»» Publ., 2005. 239 p.
- 15 Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Complete Works, in 10 volumes]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. Vol. 10. 902 p.
- 16 *Pushkin v emigratsii, 1937: O Pushkinskom prazdnike v Russkom Zarubezh'e: sb. st.* [Pushkin in exile 1937: On Pushkin celebration in the Russian Diaspora abroad: selection of works], compiler, podgot. teksta, komment. V. G. Perel'muter; vstup. st. V. G. Perel'muter. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 1999. 792 p.
- 17 *Pushkin: suzhdeniia i spory* [Pushkin: judgment and disputes], compiler K. Koval'dzhi. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1997. 378 p.
- 18 *Russkie pisateli o iazyke. Khrestomatiia* [Russian writers about the language. Reader]. Izd-e vtoroe, under the general editorship A. M. Dokusova. Leningrad, Gos. uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Min-va prosveshcheniia RSFSR Publ., 1955. 460 p.
- 19 Samarin Iu. F. *Soch.: v 12 t.* [Works in 12 volumes]. Moscow, 1877–1911. Vol. 6. 563 p.
- 20 *Svetloe imia Pushkin: Proza, stikhi, p'esy o poete* [Bright name of Pushkin: Prose, poetry, plays about the poet], compiler V. V. Kunin. Moscow, Pravda Publ., 1988. 608 p.
- 21 Sukharev A. V. *Struktura mental'nosti russkogo i zapadnoevropeiskogo obshchestva v X–XVII vv.: etnofunktsional'nyi analiz* [Structure of mentality of Russian and Western society in the X–XVII centuries.: Ethnofunctional analysis]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2014, vol. 35, no. 2, pp. 124–134.
- 22 Sukharev A. V. *Etnofunktsional'naia paradigma v psikhologii* [Ethnofunctional paradigm in psychology]. Moscow, Izd-vo «In-t psikhologii RAN» Publ., 2008. 576 p.
- 23 Sukharev A. V. *Etnofunktsional'nyi analiz razvitiia mental'nosti vysshikh sloev russkogo obshchestva s kontsa X po XVII vv.* [Ethnofunctional analysis of the development of mentality of elite of Russian society since the end of X to XVII centuries]. *Problemy istoricheskogo poznaniia* [Problems of historical knowledge], executive ed., prof. K. V. Khvostovoi. Moscow, In-t vseobshchei istorii RAN Publ., 2012, pp. 154–192.
- 24 Tomashevskii B. V. *Pushkin i Frantsiia* [Pushkin and France]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1960. 501 p.

- 25 Tynianov Iu. N. *Pushkin* [Pushkin]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ., 1976. 424 p.
- 26 Filin M. D. *Arina Rodionovna* [Arina Rodionovna]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 218 p., il.
- 27 Florenskii P. A. *Soch.: v 4 t.* [Works, in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. Vol. 1. 798 p.
- 28 Florovskii G. V. *Puti russkogo bogosloviiam* [Ways of Russian Theology]. 3-e izd. Parizh, YMCA-Press Publ., 1983. 574 p.
- 29 Frank S. L. Pushkin ob otnosheniiakh mezhdu Rossiei i Evropoi [Pushkin about the relationships between Russia and Europe]. *Pushkin v russkoi filosofskoi kritike: konets XIX – pervaiia polovina XX v.* [Pushkin in Russian philosophical critique: the end of XIX — the first half of the XX century], compiler R. A. Gal'tsev. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 452–465.